

Семен Бриллиант

**Денис Фонвизин. Его жизнь и
литературная деятельность**

Семен Моисеевич Бриллиант
Денис Фонвизин. Его жизнь и
литературная деятельность
Серия «Жизнь замечательных людей»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175425

Аннотация

«Фонвизин *на досуге* написал две комедии и несколько журнальных статей. Его сочинения, кроме „Недоросля“, вполне почти преданы забвению, по крайней мере, до той поры, пока проснется у нас интерес к памятникам истории и литературы. Его характер подвергался сильным колебаниям, образование было далеко не полно, общественная или служебная деятельность не оставила никаких следов... Что же дает право на особый интерес биографии автора? Ответ заключается в общем характере его произведений, как крупных, так и мелких. Холодный, рассудочный, но острый и наблюдательный ум, живой темперамент и воображение позволили ему занять первенствующее место в сатире, которая играла господствующую роль в литературе того времени. Положение это не было случайным; оно явилось ярким отражением просветительной поры века, получившей развитие под влиянием идей Запада. Первые источники этого влияния отыскать и указать так же трудно, как начало многих явлений в природе, но оно росло и крепло с конца XVII до конца XVIII века, образовав, в общем период законченного, цельного характера...»

Содержание

Несколько вступительных слов	4
Глава I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Семен Бриллиант

Денис Фонвизин. Его жизнь и литературная деятельность

Несколько вступительных слов

Фонвизин *на досуге* написал две комедии и несколько журнальных статей. Его сочинения, кроме «Недоросля», вполне почти преданы забвению, по крайней мере, до той поры, пока проснется у нас интерес к памятникам истории и литературы. Его характер подвергался сильным колебаниям, образование было далеко не полно, общественная или служебная деятельность не оставила никаких следов... Что же дает право на особый интерес биографии автора? Ответ заключается в общем характере его произведений, как крупных, так и мелких. Холодный, рассудочный, но острый и наблюдательный ум, живой темперамент и воображение позволили ему занять первенствующее место в сатире, которая играла господствующую роль в литературе того времени. Положение это не было случайным; оно явилось ярким отражением просветительной поры века, получившей развитие под влиянием идей Запада. Первые источники этого влияния отыскать и указать так же трудно, как начало многих явлений в природе, но оно росло и крепло с конца XVII до конца XVIII века, образовав, в общем период законченного, цельного характера.

Достоинства и недостатки этого периода одинаково рельефно отразились на сочинениях и личном характере Фонвизина. Каждое слово в творениях Фонвизина, каждое движение в его общественной и даже чисто личной жизни находится в полной и *явной* связи с историей века. В нем самом прошлое и – с точки зрения, разумеется, ему современной – настоящее и будущее русского человека.

«Недоросль» останется вечным *памятником* прошлому (XVIII. – *Ред.*) веку, памятником в литературном и художественном смысле этого слова; но этот памятник дает богатый материал для всестороннего понимания прошлого только в связи с характеристикой самого Фонвизина, его отношений с императрицей и графом Паниным и места, занимаемого автором в литературном течении века. Подобно тому, как *подлинники*, с которых он писал своих героев, служили автору натурой, так точно одни исторические факты общественной и государственной жизни могут придать его портрету тот жизненный колорит, без которого краски были бы мертвы при всей верности изображения. Вне живой, деятельной среды, его окружающей, существование Фонвизина безлично.

При написании настоящего очерка кроме полного собрания сочинений автора использовались материалы по истории и литературе прошлого века. Они почерпнуты из изданий Академии наук и некоторых сочинений, монографий и статей академика Л. Н. Майкова, А. Пыпитина, профессора Веселовского, Корсакова и др. Материалы чисто биографического характера перечислены обстоятельно в библиографической заметке почтенного П. А. Ефремова в редактированном им и изданном Глазуновым полном собрании сочинений Фонвизина.

Глава I

Детство и юность. – Служба и начало литературной деятельности. – «Бригадир»

1

«Сатиры смелый властелин», как сказал о Фонвизине Пушкин, был потомком одного из рыцарей-меченосцев, следовательно, не русского происхождения. В царствование Ивана Грозного, во время войны с Ливонией, был взят в плен барон Петр Фонвизин, потомки которого скоро обрусели. Отец знаменитого нашего автора, Иван Андреевич Фонвизин, служил в ревизион-коллегии и имел дом в Москве, недалеко от основанного тогда университета. По словам сына, отец был человек большого здравого рассудка, «но не имел случая, по тогдашнему образу воспитания, просветить себя ученьем». Однако он читал все русские книги, особенно любил историю древнюю и римскую, «Мнения Цицероновы» и переводы нравоучительных книг, словом, старался исчерпать литературу эпохи Петра I и был одним из тех, которые ревностно шли и вели своих детей по пути, указанному великим преобразователем. Служба отца, его характер и семейная жизнь – все свидетельствует о том, что и прошлый век, который привыкли считать вконец испорченным, сохранял свои здоровые элементы. Отец Фонвизина краснел, когда при нем кто-нибудь говорил ложь. В те времена, когда лихоимство не преследовалось ни судом, ни даже общественным мнением, когда отец учил сына подбирать к одному делу два указа, смотря по количеству «документов», положенных под сукно, когда виноватый платил за вину, а правый – за правду и «все довольны были», когда решить дело за одно жалованье, по мнению Советника, было «против натуры человеческой», – в те времена, повторяем, отец Фонвизина никогда не принимал подарков: «Государь мой, – говаривал он просителю, – сахарная голова не есть резон для обвинения вашего соперника, извольте отнести ее назад, а принести законное доказательство вашего права».

Отец был женат два раза, и жизнь в семье была всегда мирная. Первую женитьбу отца Фонвизин описывает как подвиг великодушия, подвиг несколько странного рода по современным понятиям, но, быть может, не выходящий из рамок добродетельных нравов патриархальной старины. Родной брат отца вошел в неоплатные долги, и последний женился на одной вдове-старухе семидесяти лет (!), которая обязалась уплатить долги брата. Фонвизин говорит, что отцу было тогда 18 лет, и старуха в него влюбилась. Она прожила еще 12 лет с молодым мужем, который «старался об успокоении ее старости, как должно христианину».

Наш автор, который, конечно, знал эту историю из уст отца, замечает, впрочем, в своем «Признании»: «В наш век не встречаются уже такие примеры братолюбия, чтоб молодой человек пожертвовал собою, как отец мой, благосостоянию своего брата». Доброе старое время! Мать Фонвизина была женщина с тонким умом и чутким сердцем. Хорошая хозяйка, она была в то же время добра и снисходительна к слугам. Таким образом, отношения в семье Фонвизина нисколько не напоминают те нравы, которые он изобразил в своей сатире. Он должен был всегда отдыхать душою в семье от любых волнений, особенно благодаря нежной дружбе сестры, умной и хорошей, переписка с которой – неизменно продолжавшаяся всю жизнь – дает наилучший материал для его собственной биографии.

По словам Фонвизина, он не помнит себя неграмотным. В четыре года отец уже учил его. Это обстоятельство было, конечно, большою редкостью в прошлом веке. Рядом с ученьем шло воспитание. Последнее было такого рода, каким и теперь далеко не все могут

похвастать. Достоинство его заключалось, конечно, не в особых педагогических приемах; просто ребенок получал все то хорошее, что может родиться из здравого смысла и желания видеть в сыне со временем честного человека. Мальчику удавалось всегда легче добиться желаемого прямым путем, чем хитростью. Таким образом, приучался он к чистосердечию и не имел надобности скрывать что-либо от родных.

Детские впечатления впоследствии автор подкрепил наблюдением. Идеи Руссо и других философов века о воспитании восприняты были им не только теоретически: в своем «Признании» он учит современников не оставлять без внимания малейших поступков детей, ибо в поступках непременно выражаются их душевные свойства, и, указывая детям во всем прямой путь, – «вкоренять в них привязанность к истине и приучать к чистосердечию».

Умный и впечатлительный ребенок быстро развивался. Игры его не отличались от игр других его сверстников. Полученные однажды в подарок карты «с красными задками» составили эпизод, который остался в его памяти на всю жизнь. Дядьки и няньки рассказывали ему сказки, и однажды мужик из родовой деревни так напугал его рассказом о мертвецах, что он никогда с тех пор не оставался охотно в темноте. К мертвецам же, по словам Фонвизина, он в течение жизни привык, «теряя людей, любезных сердцу».

Однако сказками крепостных не ограничилось его развитие, как у многих сверстников. Отец заставлял его читать «у крестов», познакомив таким образом со славянским языком. Притом чтение не было бессмысленным механическим процессом. «Перестань молотъ, – кричал отец, когда мальчик начинал торопиться, – или ты думаешь, что Богу приятно твое бормотанье». Набожность отца послужила, таким образом, на пользу сыну. Отец останавливал его и объяснял тщательно места, которые, по его мнению, мальчик не мог понять самостоятельно.

В 1755 году основан был в Москве университет, и отец немедленно отдал сына в университетскую гимназию. Таким образом, Фонвизин был одним из первых, вместе с Потемкиным и другими прославившимися впоследствии «орлами» Екатерины, учившихся в гимназии и университете. Главной целью обучения в гимназии было научить читать, писать и говорить *сколько-нибудь* по грамматике. Так говорит Державин. Уроки продолжались от семи до одиннадцати и от часу до пяти. Программа была гораздо обширнее вышеозначенной. В нее входили закон Божий, история, география, арифметика, геометрия и фортификация; языки латинский, французский и немецкий; рисование, музыка и фехтование. Таким образом, гимназия должна была готовить вполне образованных людей, в духе петровской реформы, но... человек лишь предполагает. Где было взять учителей? Благих предначертаний было много, исполнителей – мало. Итак, цель далеко не достигалась, но приобретенное на пути к ней уже составляло громадное богатство. Классы делились параллельно, особые для шляхтичей, то есть дворян, особые для «протчих» – разночинцев. И здесь, как в семье, по мысли Шувалова и других, обучение «моральное» должно было занимать не последнее место.

Ни хороших учебников, ни книг для чтения не было. Только сочинения Ломоносова, напечатанные в академической типографии, присылались в университет. Из других русских авторов отдельно печатался в это время Сумароков: его трагедии «Хорев», «Синав и Трувор», «Гамлет», «Аристон». Моральное воспитание черпало много из этих произведений. «Journal Etranger» хвалит «Синава» («Sinav et Trouver», перевод князя А. Долгорукова, 1755 год) за те нравственные понятия, которые Сумароков проповедует устами своих героев. Таким образом, чтение и театр начинали заменять «буйные забавы» Митрофанов. Рядом с этими произведениями в руки гимназической и университетской молодежи попадали не только «Телемак», но и «Похождения маркиза Глаголя», «Клевеланд» и другие переводные романы. Многое в этих романах льстило тщеславию, мечтательной лени и невежеству. В «Похождениях маркиза Глаголя» все действие вертится вокруг светских обязанностей, соединенных с

«благородством» титула, и беззастенчиво, во имя будто бы нравственности, превозносятся самые извращенные понятия; но впечатлительная юность даже и в этой литературе – не говоря уже о знаменитом «Телемаке», образцовом чтении века – находила много хорошего. Современник Фонвизина, известный поэт И. И. Дмитриев говорит, что благодаря романам этим он *в первый раз* услышал имена Буало, Мольера, Кальдерона и пожелал с ними познакомиться. «Похождения» Клевеланда и маркиза Глаголя возвышали, по словам его, душу и возбуждали желание следовать благородным примерам.

«Как бы то ни было, я должен с благодарностью вспоминать университет», – говорит сам Фонвизин.

Мы не отделяем здесь гимназию от университета, так как и в действительности не было тогда той грани, которая образовалась впоследствии. Из воспоминаний Фонвизина узнаём, как шло тогда преподавание. По латинскому языку проходили Юлия Цезаря, Корнелия Непота, Цицерона и Вергилия. Учитель латинского языка приходил на экзамен в кафтане и камзоле; на кафтане было пять пуговиц, а на камзоле – четыре. «Удивленный сею странностью» Фонвизин спросил о причине.

«Пуговицы мои вам кажутся смешны, – отвечал преподаватель, – но они суть стражи вашей и моей чести: ибо на кафтане значат пять склонений, а на камзоле четыре спряжения; итак, – продолжал он, ударив по столу рукой, – извольте слушать все, что говорить стану. Когда станут спрашивать о каком-нибудь имени, какого склонения, тогда примечайте, за которую пуговицу я возьмусь; если за вторую, то смело отвечайте: второго склонения. Со спряжениями поступайте, смотря на мои камзольные пуговицы, и никогда ошибки не сделаете».

Имена лучших учеников печатались в газетах.

В 1759 году в «Московских ведомостях» (№ 64) напечатано было извещение директора казанской гимназии: «Наиприлежнейшими себя оказали и отменную похвалу заслужили: гвардии капрал Николай Левашев, гвардии же солдат Сергей Полянский и солдат Гаврила Державин». Само собою разумеется, что чины эти были за ними только записаны в приказах. Насколько похвалы означали приобретенные знания, свидетельствует эпизод получения Фонвизиним медали. Учитель географии был тупее учителя латинского языка и не сумел даже фокусом подготовить учеников к экзамену. Поэтому на вопрос: «Куда течет Волга?» – один отвечал «в *Черное море*», другой – «в *Белое*». Фонвизин «с таким видом простодушия» отвечал «*не знаю*», что экзаменаторы «единогласно» присудили ему медаль. Однако Фонвизин благодаря своим природным дарованиям и любознательности вынес некоторые познания, особенно в языках, а «паче всего получил вкус к словесным наукам».

Склонность к писанию проявилась у него еще в детстве, а к юношескому возрасту только усилилась благодаря упражнениям в переводах в гимназии и университете.

Около 1758 года директор Московского университета И. И. Мелиссино вздумал ехать в Петербург и взять с собою нескольких учеников, чтобы показать основателю университета И. И. Шувалову плоды сего училища.

Каковы, казалось, могли быть плоды беспорядочного ученья! «Учитель арифметики пил смертную чашу; учитель латинского языка был пример злонравия, пьянства и всех подлых пороков, *но голову имел преострую* и как латинский, так и российский языки знал очень хорошо». Этой «преострой головой» воспользовались более даровитые ученики.

В число избранных попали Фонвизин с братом, Потемкин и Булгаков. Десять малолетних учеников с Мелиссино и его супругой совершили трудный зимний переезд из Москвы в Петербург. Начальник и жена его смотрели за ними как за детьми своими. В Петербурге Фонвизин с братом остановились в доме дяди.

Воспоминание о приеме у Шувалова и при дворе осталось у Фонвизина на всю жизнь. Шувалов, взяв его за руку, подвел к человеку, вид которого уже привлек почтительное вни-

мание юноши. «То был бессмертный Ломоносов!» Он спросил у мальчика, чему тот учился, и красноречиво стал говорить о пользе латинского языка. Великолепие дворца императрицы поразило, конечно, юношу, которому не было еще полных 14 лет, как нечто сказочное. Известна роскошь дворца Елизаветы. «Везде сияющее золото, собрание людей в голубых и красных лентах, множество дам прекрасных, наконец, огромная музыка – все сие поражаало зрение и слух мой, и дворец казался мне жилищем существа выше смертных». Фонвизину казалось счастьем остаться в Петербурге, но врожденное благоразумие и тоска по родным скоро взяли верх, и он без сожаления вернулся в Москву.

Пребывание в Петербурге оказало, однако, на него большое влияние. Между прочим, столкновение при дворе с одним заносчивым юношей, который отнесся к нему как к невеже из-за незнания французского языка, побудило его пополнить образование с этой стороны. Не оставляя латинского языка и слушая логику у профессора Шадена, он в то же время взялся за Вольтера и через два года пробовал уже переводить стихами его «Альзиру». Особенно удачно переводил Фонвизин в это время с немецкого и, познакомившись с книгопродавцем, стал получать заказы. Первым литературным опытом его были басни Хольберга, изданные в 1761 году, затем последовали «Метаморфозы» Овидия и переводы статей: «Изыскание о зеркалах древних», «О рисовальном искусстве» и др.

Все статьи эти говорят еще о петровской программе переводов классических и образовательных произведений, необходимых для практического использования в жизни. В переводе «Альзиры» Вольтера и «Сифа» аббата Террасона сказывается уже дух новой литературы, которая быстро начинает развиваться с воцарением Екатерины. Подробное название последнего перевода – «Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя египетского» – говорит уже о воспитательном направлении века.

В 1762 году Фонвизин был сержантом гвардии, но военная служба не влекла его. Ему хотелось еще учиться, он искал случая обнаружить свои дарования. В это время двор прибыл в Москву. Фонвизин подал прошение в иностранную коллегию, и вице-канцлер князь А. М. Голицын, испытав его в знании иностранных языков, приказал послать в университет «промемотию», которою предписывалось сержанта Фонвизина, «выключая из числа университетских студентов, прислать в коллегию для определения по желанию и способности его». Он был скоро отмечен как хороший переводчик и даже послан с поручением к Шверинскому двору. С этого времени начинается его служба в Петербурге; параллельно со службой завязывались литературные знакомства и связи.

Еще во время пребывания в столице с Мелиссино юноша познакомился с Дмитриевским, Волковым и другими. Еще тогда он чуть не сошел с ума от радости, узнав, что они бывают в доме его дяди. «Генрих и Пернилла», комедия Хольберга, по собственным его словам «довольно глупая», показалась ему тогда произведением величайшего разума, а актеры – великими людьми, знакомство с которыми должно составить его благополучие. Действие, произведенное на него тогда театром, почти описать невозможно, говорил он уже на краю гроба. Обладая сам даром прекрасно «передразнивать людей», он с этих пор особенно внимательно всматривается в окружающее, и в нем начинает шевелиться идея создать свою комедию. Попытка его ограничивается пока «переделкою на русские нравы» комедии Грессе «Корион» (в трех действиях). Фонвизин сохранил все недостатки этого рода комедий, не прибавив достоинств. Лица в комедии не русские и не живые, изображение страстей натянутое, и пьеса кончается попыткой самоубийства, которая не удается, потому что слуга, «добрый гений» своего барина, подменяет яд и говорит в момент отчаяния умирающего: «Вы выпили не яд, а выпили водицу». И вся пьеса – плохая фальсификация, хотя не яд, но водица. Как перевод пьеса недурна и включает в себе интересные по мысли монологи о недостатках современного общества, о чести, гражданском и человеческом долге, самоубийстве и так далее.

К этому же времени относится оригинальная басня Фонвизина «Лисица-казнодей»,¹ в которой автор, несмотря на молодость, пытается уже сатирически изобразить корыстные побуждения людей, – результат наблюдений, которые, быть может, он успел сделать на недавней службе и при дворе. Лисица сплетает похвалы Льву, «царю зверей» (впрочем, уже умершему). Автор говорит тем, кто удивляется нахальной лжи льстеца:

Чему дивишься ты,
Что знатному скоту льстят подлые скоты?
Когда же то тебя так сильно изумляет,
Что низка тварь корысть всему предпочитает
И к счастью бредет презренными путями,
Так видно никогда ты не жил меж людьми.

В «Трутне», известном сатирическом журнале прошлого века, находим «известие», которое сразу вводит читателя в мир сатиры и аллегории того времени. Известие идет с Парнаса. Музы жалуются Аполлону на искажение переводчиками славных поэтов.

«Мельпомена и Талия проливали слезы и казались неутешными. Великий Аполлон уверял их, что сие случилось без его позволения, и показал Талии *новую русскую комедию*, сочиненную одним молодым писателем. Талия, прочитав оную, приняла на себя обыкновенный свой веселый вид и сказала Аполлону, что она сего автора с удовольствием признает своим законным сыном. Она записала его имя в памятную книжку, в число своих любимцев».

Это известие знакомит нас с успехом комедии «Бригадир».

Успех был решительный и единодушный, как у критики, так и у публики. Комедия «часто представлялась на театре, как в С.-Петербурге, так и в Москве, завсегда к отменному удовольствию зрителей и не выходя из вкуса», пишет современник в «Драматическом вестнике». Другие говорят, что большего успеха не мог иметь и Мольер во Франции. В самом деле, достаточно сравнить «Бригадира» с любой театральной пьесой того времени, чтобы понять вполне этот успех. В этой комедии современники в первый раз встретили живое, острое слово и неподдельное веселье взамен натянутых рассуждений и ходячей морали. Издатель «Адской почты», определяя характер комедии, замечает, что автор пишет «на вкус Мольеров». Что же касается типов, то «в комедии – *редкости*, – говорит он, – не хочу сказать – невозможности». Полевой, конечно, прав, говоря так об этой комедии:

«В „Бригадире“ Фонвизин благодаря своей наблюдательности, живому уму и сатирическому таланту сумел ярче выставить на сцену и одарить жизнью те самые типы, которые были уже подмечены раньше, даже очерчены довольно подробно некоторыми из его предшественников. Эти типы, так сказать, давно уже носились в нашей литературной сфере и как бы ожидали только искусного пера, которое бы сумело их изобразить рельефно».

Появление комедии относят к 1766 году, хотя время это с точностью не установлено. Для биографии автора обстоятельство это не имеет особого значения потому уже, что произведения его и по многим другим причинам нельзя рассматривать в хронологической связи.

¹ Казнодей – человек оборотливый, трудолюбивый, наживающий и сберегающий (*Словарь В. Даля*). Здесь и далее простой звездочкой обозначаются примечания редакторов данного переиздания, а звездочкой со скобкой – примечания авторов очерков.

Достоверно известно, что «Бригадир» написан в Москве, во время отпуска, взятого автором у Елагина. Тогда ему было где-то от 20-ти до 22-х лет.

Комедия Фонвизина явилась, можно сказать, прямым подражанием комедии Хольберга «Jean de France».

«Автора „Бригадира“ и „Недоросля“ мы привыкли считать в сильной степени оригинальным сатириком, – говорит Веселовский. – Человек, сумевший живьем перенести на сцену помещичью и городскую среду своего времени, коснуться самых больных мест общества и привить комедии непринужденную реальность, – проникавшийся с годами нетерпимой национальной гордостью и осыпавший незаслуженною бранью лучших людей и наиболее светлые стороны современной Европы, действительно должен был бы, казалось, обладать большою самостоятельностью. Но, чтобы проверить степень оригинальности его приемов, стоит собрать воедино все разоблачения сделанных им заимствований».

Сравнение «Бригадира» с комедией Хольберга обнаруживает полнейшее сходство содержания, интриги, развития действия и даже типов и выражений, особенно в смешных заимствованиях из французского языка. Все это объясняется тем, что Дания, как в свое время Германия и Англия, переживала тогда период галломании, точно так, как мы во времена Фонвизина.

Восхищенный комедией Хольберга «Генрих и Пернилла», Фонвизин взялся за изучение этого автора, переводил его басни и, естественно, находился под сильным его влиянием. Это влияние сильного таланта на юный ум Фонвизина совпало, таким образом, и с однородным состоянием эпохи. Однако сам Хольберг едва ли отказал бы нашему автору в самородном даровании. *Так* подражать может только равный равному, и «Бригадир» остается до сих пор комедией свежей, живой, оригинальной. Само название ее стало нарицательным именем, которым как тогда, так и позднее крестили известный тип людей. Прозвище стало смешным; однако по знаменитой в своем роде табели о рангах чин бригадира был немалый. Герой комедии недаром глубоко убежден, что его волосы у Господа сосчитаны: «Я – бригадир, – говорит он, – и если у пяти классов волос не считают, то у кого же и считать их ему». Вероятно, по табели о рангах князь Вяземский самого автора комедии назвал «Парнасским бригадиром».

Несмотря на подражание Хольбергу, типы комедии весьма жизненны. Это объясняется наблюдательностью нашего автора, его живым и острым умом и талантом не только писателя, но отчасти и актера. Он любил передразнивать людей и умел живо и верно подмечать их смешные стороны. В те времена принято было писать с «подлинников», и автор широко этим воспользовался, наблюдая в Москве ту среду, в которой он сам жил, и метко схватывая отдельные черты.

В «Признании» он рассказывает о временном увлечении своею девушкой, о которой можно было только сказать: «Толста, толста... проста, проста!» Она имела мать, которую целая Москва огласила «набитою душой». Последняя и послужила ему «подлинником». «По крайней мере, – говорит автор, – из всего моего приключения родилась роль Бригадирши». Таковы были «редкости» в обществе того времени. Неудивительно, что роль эта возбудила, по словам автора, уже в чтении особое внимание Панина. «Я вижу, – сказал он ему, – что вы очень хорошо нравы наши знаете, ибо *Бригадирша ваша – всем родня*», и так далее.

Весь эпизод отношений крючковатого Советника, этого лицемерного ханжи и сластолюбца, с Бригадиршей, быть может, списан с натуры. Тип подобного лихоимца, несомненно, был хорошо известен народу и осмеивался, конечно, раньше в сценических представлениях разночинцев и скоморохов. Подобные представления, хоть и самого примитивного, первобытного характера, давно уже стали любимым развлечением городских обывателей и устраивались на личные средства предприимчивыми разночинцами и посадскими людьми в нанятых в чьем-либо частном доме «палатах», причем с народа взималась плата за вход. Так было

до учреждения постоянного театра в 1756 году, даже позднее. Таким образом, театр вообще и комедия Фонвизина в частности имели своих предшественников, скромных, малозаметных, но много способствовавших распространению любви к театральным зрелищам. Несмотря на это, с одной стороны, и несмотря на подражание Хольбергу, – с другой, «Бригадир» является «первою комедиею в русских нравах», как определил ее тогда же граф Панин. Форма, содержание и язык – все было ново, оригинально и художественно в этом юном произведении. К нему уже нельзя было поставить эпиграфом: «Действие происходит в Тмутаракани», как *ко всем* трагедиям Сумарокова.

Фонвизина можно упрекнуть лишь в том, что, осмеяв Иванушку, он пошел еще дальше в жизни и проявил резкую нетерпимость ко всему влиянию французской литературы и философии на русскую жизнь. Беда была, конечно, не в том, что русские *учились* у иностранцев, хотя бы путем подражания, но в том, что «учились слишком мало и многого еще понять не могли». Петр Великий из поездки за границу вернулся «преобразователем», но что постигли сразу «державный дух Петра и ум Екатерины», для постижения того народу нужны были века. Неизбежны были также ошибки и заблуждения.

XVIII век до конца остался веком контрастов. То был век Петра, его ботика и дубинки, век ханжихиных и чудихиных (комедия Екатерины) и вместе с тем царственной сатиры, век простаковых и Митрофанушек, «расчетной книжки» Бригадирши, фижм, робронд, «философии на троне», клейма и кнута. Комедия «Бригадир» имела огромный успех уже в рукописи, особенно благодаря редкому таланту автора, замечательно читавшего вслух. Он читал ее самой императрице, великому князю и многим вельможам, наперерыв зазывавшим его к себе на обед. Многие охотно слушали по несколько раз, особенно граф Панин, который говорил, что ему кажется – он видит саму Бригадиршу, когда автор читает эту роль.

Успех комедии способствовал и движению карьеры Фонвизина.

2

Перевод «Альзиры» Вольтера, хотя не был напечатан, распространился в рукописи и обратил на себя внимание самой императрицы; Фонвизин именным указом назначен был «состоять» при кабинет-министре Елагине.

Автор сам справедливо недоволен был переводом; однако имя Вольтера так любезно было сердцу Екатерины, что даже одна попытка перевести уже была приятна ей и выгодно рекомендовала вкус переводчика. Таким образом, началом карьеры обязан был Фонвизин тому имени, к которому потом всю жизнь он относился враждебно.

Елагин – сам литератор по склонности и притом франкмасон – был больше другом для Фонвизина, чем начальником. Фонвизин скоро привык представлять на суд его все свои произведения, а во время отлучек в Москву, к родным, переписывался с ним и посылал рукописи на просмотр.

Службою Елагин его не утруждал, так что Фонвизин скорее именно «состоял» при нем, чем служил. Только в экстренных случаях он проводил у него день, по большей же части бывал совершенно свободен и мог предаваться любимым литературным занятиям. В это время перевел он роман «Любовь Кариты и Полидора». Кроме того, что работа была интересной, весьма кстати пришлось нашему автору и деньги, полученные от издателя в Москве, так как жалованье не покрывало расходов. Оставляя своего Пегаса, Фонвизин в письмах к родным часто жалуется на разные недостатки. Светская жизнь, визиты, куртаги² при дворе требовали расходов на платье и карету. Правда, по хозяйству все присылалось из Москвы, свое, помещичье, и слуги, конечно, были крепостные, но эти Ваньки, Петрушки,

² Приемы.

Сеньки требовали экипировки и «представляли в резон многие заплаты на прежней ливрее, разность пуговиц, из коих одни золотые, иные серебряные, а иные гарусные», и так далее. Рублей пятнадцать из кармана составляли по тому времени уже большие деньги.³

Молодой чиновник вел довольно рассеянную жизнь. «Острые слова» его носились по городу и приобретали ему врагов, но среди тех, кто не был ими задет, они давали ему репутацию любезного и веселого собеседника. Театр оставался его любимым развлечением. Обыкновенно или он где-нибудь бывал на обеде или у него обедал кто-нибудь из друзей, чаще других князь Ф. А. Козловский, умный и образованный человек, Преображенский офицер, погибший впоследствии в Чесменском бою. (Он перевел несколько комедий и написал оригинальную комедию «Одолжавший любовник», несколько песен, эклог и т. п.). Время проходило в живой, остроумной беседе о литературе, о новостях дипломатических и служебных, театре и столичных красавицах. Тут же составлялись эпиграммы, шуточные строфы и т. п. Иногда после обеда собирались князь Вяземский, Дмитревский «avec sa femme et une autre actrice»,⁴ как сообщает Фонвизин сестре предусмотрительно на французском языке, на случай, если письмо попадет в руки отца. Последний находил предосудительным знакомиться с актерами.

Дмитревский, несомненно, имел значительное влияние на развитие драматического таланта молодого автора.

Гости, собиравшиеся у Фонвизина, вместе с хозяином отправлялись во французскую комедию или в русский театр, или на куртаг и представление во дворец, когда случались таковые. Таким образом, Фонвизин мог на месте пользоваться ценными замечаниями Дмитревского.

В Петербурге кроме французской комедии процветала трагедия Сумарокова. Мещанская драма, которая в это время делала широкие завоевания в Европе, у нас не имела успеха и только в Москве начала несколько преобладать над драмой ложноклассической, к великому негодованию Сумарокова. Однако и в Петербурге репертуар иногда разнообразился: «Играла была комедия „Женатый философ“ (Детуша), которую смотрело великое множество женатых нефилософов», — пишет Фонвизин сестре.

Несмотря на свой трезвый и острый ум, Фонвизин отдавал дань веку, будучи несколько сентиментален в молодости. Сентиментальность проскальзывает в некоторых рассказах его о своих увлечениях, в письмах к сестре. По временам он хандрит и жалуется на недостаток искренних симпатий и, главное, на отсутствие «предмета». Однажды он пишет:

«Теперь шутить мыслей нет. Лишь только прочитал новую трагедию французскую „Троянки“. Слезы еще и теперь видны на глазах моих. Гекуба, лишаящая детей своих, возмутила дух мой. Поликсена, ее дочь, умирая на гробе Ахиллесовом, поразила жалостью сердце мое, а отчаянье Кассандры извлекло из глаз моих слезы. Однако плюнем на них, — продолжает он, отдав дань веку. — Стихотворец подобен попу, которому, живучи на погосте, не всех оплакать. Я сам горю желанием писать трагедию, и рукой моей погибнут по крайней мере с полдюжины героев, а если рассержусь, то и ни одного живого человека на театре не оставлю».

Хладнокровнейший в мире человек, наш дедушка Крылов также не знал предела в изображении страстей на сцене. Такова была непреклонная мода в целом мире (Лесажа осмеял ее в «Жиль Блазе»).

Современник Фонвизина Лукин выступил со своей комедией русских нравов «Мот, любовью исправленный» и в то же время с переделками комедий «Пустомеля» — с французского — и «Щепетильник» — с английского. Лукин, хотя и не оригинальный комик, был чрез-

³ Екатерининский рубль составляет несколько рублей на наши деньги.

⁴ «Со своей женой и другой актрисой» (*фр.*).

вычайно умным человеком, страстно любил театр и понимал его требования. Он, впрочем, открыто признавал талант Фонвизина и говорил, что последний «имеет больше его способностей и знания».

Лукин был также секретарем у Елагина, и между обоими авторами постоянно тлела глухая вражда. Фонвизин постоянно обвинял Лукина в интригах и в низости характера. В письмах к сестре он выражает свое негодование и удивляется, что Елагин слишком доверяет Лукину. В конце концов Елагин устранил Лукина и, по замечанию Фонвизина, «покаялся впредь не производить в чины никого из тех, которых отцы и предки во весь свой век чинов не имели *и родились служить, а не господствовать*» (?!).

Несмотря на удаление Лукина, Фонвизин не подвигался по службе, так как Елагин из-за пристрастия к литературе, театру и философским вопросам мало заботился о карьере как своей, так и своего секретаря. Фонвизин вследствие этого все более и более охладевает к своему начальнику и начинает относиться к нему прямо неприязненно, отыскивая случай оставить его совсем. Честолюбию его открылся новый путь после успеха «Бригадира», написанного во время отпуска, в Москве. Мы знаем уже, какой успех имела комедия в чтении автора и как обратила она на себя внимание императрицы и многих высоких особ. Вскоре после этого Фонвизин перешел на службу к графу Никите Ивановичу Панину, который был воспитателем великого князя. Это был один из наиболее замечательных людей в царствование Екатерины II, дипломат и царедворец. Человек большого ума и характера, он был терпелив, благодушен, тверд в своих мнениях и руководствовался благородными правилами как в политике, так и в личной жизни. Сверх должности воспитателя наследника он управлял коллегией иностранных дел. Служба у Панина дала Фонвизину то положение, которого он искал. К этому времени завязываются у него дружеские связи с политическими, военными и дипломатическими деятелями в России и за границей. Значительная переписка с ними демонстрирует с лучшей стороны его ум и характер. А то, что в отношениях он был искренен и дружелюбен, доказывают слова его из одного письма к сестре, где он пишет ей о знакомствах своих в Петербурге:

«Я не лгу, что знакомства еще не сделал. С кадетским корпусом не очень обхожусь затем, что там большая часть – солдаты, а с академией затем, что там большая часть – педанты. Да сверх того, слово *знакомство*, может быть, Вы не так разумеете. Я хочу, чтобы оно было основанием *ou de l'amitié ou de l'amour* (или дружбы, или любви)!»

Правда, письмо это относится к периоду особой мягкости его сердца, однако в основе таким оставался всегда характер отношений его к людям.

Друзья Фонвизина обращаются к нему во всех случаях, когда кому-нибудь надо помочь. Он устраивает так, чтобы одно лицо без особой надобности отправлено было из Петербурга в Варшаву и обратно курьером, потому что его обстоятельства очень плохи. Он содействует оправданию офицера Маркова и победе над несправедливым гневом главнокомандующего в Варшаве. В конце концов наступает момент, когда ему самому грозит опасность в виде явной опалы, надвигающейся на графа Панина, которого хотят удалить от наследника престола. Если бы это случилось, Панин намерен был оставить службу. «В таком случае, – пишет тогда Фонвизин, – Бог знает, что мне делать, или лучше сказать, я на Бога положился во всей моей жизни, а наблюдаю только то, чтоб жить и умереть честным человеком». История кончилась благополучно, но каковы были интриги при дворе, видно из следующих слов Фонвизина: «Я ничего у Бога не прошу, как чтобы вынес меня с честью из этого ада».

Литературный талант Фонвизина поступает, так сказать, вместе с ним на службу ко двору. Повесть «Каллистен» написана, вероятно, для великого князя. В этой повести рас-

сказывается известный эпизод убийства Клита Александром Македонским и рисуется благородная твердость философа, ученика Аристотеля, который пал жертвою долга, предостерегая и упрекая Александра в несправедливости. Повесть указывает на необходимость царю иметь верных советников и говорит о честности как первом долге гражданина.

Фонвизин написал также «Слово на выздоровление великого князя», которое произвело очень сильное впечатление на современников, статьи «о вольности французского дворянства и пользе третьего чина» (рукопись не издана) и, как говорит родной его племянник в своих записках, под руководством Панина составлял проекты различных государственных реформ, необходимых для блага империи. Участвуя в трудах, Фонвизин принимал участие и в забавах двора: куртагах, спектаклях и маскарадах. В так называемых «кавалерских представлениях» принимали участие все вельможи. Роли распределялись между ними. Принимали участие Орлов, Шувалов и др. «В балете „Галатея и Ацил“ его высочество явился в виде брачного бога Гименея и искусными и благородными своими танцами удивил всех», — пишет Фонвизин сестре.

Порошин так описывает святочные игры при дворе Павла и самой Екатерины:

«Сперва, взявшись за ленту, все вокруг стали, некоторые ходили в кругу и прочих по рукам били. Как эта игра кончилась, стали опять все в круг без ленты уже, по двое, один за другого, гоняли третьего. После этого „золото хоронили“, „заплетали плетень“, пели, по-русски плясали, польской, менуэт и контрадансы танцевали. Императрица во всех этих играх сама быть и „по-русски“ плясать изволила с Никитою Ивановичем Паниным. Во время сих увеселений вышли из внутренних императрицы покоев семь дам. Это были *в женском платье* граф Григорий Орлов, камергеры граф Александр Сергеевич Строганов, граф А. Н. Головин, П. Б. Пассек, шталмейстер Лев Нарышкин, камер-юнкеры Баскаков, князь А.М. Белосельский. На всех были кофты, юбки и чепчики. Князь Белосельский был одет похуже других, представляя маму, а прочие „барышни“ были под ее смотрением. Их посадили за круглый стол, поставили закуски и подносили пунш. Потом играли, плясали и *много шалили*»(!).

Возрожденная литература в XVIII веке еще нетвердо стояла на ногах и оттого не могла принести даже скромных плодов обществу. Реформа Петра Великого нескором коснулась литературы, которая продолжала оставаться чем-то случайным до второй половины века, до воцарения Екатерины II.

Может быть, неслучайно двое юношей вступили в жизнь и поступили на службу именно в год переворота и восшествия ее на престол. Эти юноши были Фонвизин, гвардии сержант по званию, но уже не военный, а причисленный к коллегии чиновник-литератор, и Державин, который пока далеко отставал от Фонвизина по развитию вследствие непривилегированного рождения и воспитания. В качестве простого солдата он находился еще на действительной службе; на нарах в казарме своей учил он оды Ломоносова и пробовал писать, плохо зная, однако, грамматику. Как солдат со своею ротой он принимал некоторым образом участие в возведении Екатерины II на престол и был из первых, увидевших ее в царственном величии. «Фелица» Державина явилась потом, почти в одно время с «Недорослем», и резко обозначили эти произведения и лица авторов два направления в литературе века Екатерины — лирическое и сатирическое.

Только в эту пору печатная литература начинает вытеснять рукописную, хотя они идут рядом еще долгое время. Новость дня в 1763 году между прочим составляет *рукописная* трагедия Тредиаковского «Деидамия», о которой Фонвизин пишет сестре: «Нет ничего ее смешнее; Ахиллес является в ней в женском платье. В ней 4626 стихов...»

Царствование Екатерины благодаря вольным типографиям и дружной деятельности новых людей воспитало читающую публику, которая до того времени была совершенно случайной. «Кой-кто читал трагедии Сумарокова, – говорит Болотов. – Один унтер-офицер полка знал „Хорева“ наизусть и, побывав, вероятно, в Петербурге в театре, декламировал всю трагедию с выкриками, пафосом и жестами завязанного актера». Он подарил Болотову рукопись трагедии и выучил его самого «выкрикивать по-модному стихи». Театр, сценические представления и любовь к ним способствовали, конечно, немало успешному развитию литературы. Охотно переводились Мольер, Детуш, Мариво, Реньяр, Бомарше. Случайный характер литературы уступает место определенному направлению при Екатерине. Даже творчество Сумарокова приобретает при ней новое значение и развитие, хотя он давно уже писал. С ее именем связаны тесно имена не только Державина и Фонвизина, при ней и под ее знаменем выступающих в поле, но Хераскова, Миллера и многих других, деятельность которых получает более широкое развитие. Замечательно образованная и обладавшая огромной начитанностью при большом уме, Екатерина не только «покровительствовала», но, любя литературу, и сама занималась ею, что придавало ее действиям особый характер, дружественный по отношению к рыцарям пера. Первым следствием ее воцарения и покровительства было расширение и оживление литературных кругов. В публичном собрании Московского университета 3 октября 1762 года Рейхель, профессор университета и библиотекарь, произнес «Слово» по случаю коронации Екатерины и говорил о том, что «наука и искусства процветают запрещением (?) и покровительством владеющих особ и великих людей в государстве». Это «Слово» переведено было Фонвизиним с немецкого на русский.

В столичном обществе начали образовываться литературные кружки. В Москве, под сенью университета, такой кружок образовался даже несколько раньше, уже в 1760 году. Членами этого кружка стали недавние его питомцы: Фонвизин, Я. И. Булгаков, И. Ф. Богданович, Потемкин и другие. Но главным членом, возле которого группировались остальные, был Херасков, сперва ассессор, а потом директор университета, человек высокого благородства, искренно преданный просвещению и заслуживший уважение не одного поколения в русском обществе. Под его редакцией издавался журнал «Полезное увеселение», который члены кружка снабжали плодами своих трудов.

Для характеристики времени особенно интересен журнал «Вечера», выходивший в 1772–1773 годах. По мнению академика Л. Н. Майкова, этот журнал был не предприятием одного лица, но порождением «литературного салона». Центром кружка являлись Херасков и его жена. Посетителями салона и авторами журнала были Богданович, Майков, Козловский, М. В. Храповицкая и др. Помещаемые в этом журнале вопросы и ответы, задачи и загадки, стихи на заданные темы – все хранило следы тех литературных забав, которые были в моде в старину.

В одном номере журнала по поводу упомянутых выше задач помещена заметка – интересное литературное признание. «Съехавшись в последний вечер и по окончании наших трудов, когда мы гораздо поустали, вздумалось нам веселее окончить, и для этого друг другу задавали задачи, которые и сообщаем так, как невинную шутку», и так далее.

И. И. Дмитриев рассказывает в своих воспоминаниях («Взгляд на мою жизнь»), что Е. В. Хераскова очень любила *bouts-rimes* (буриме) и сочиняла их даже в болезни, чуть ли не накануне своей смерти. Если Фонвизин и не примыкал тесно к этому дружескому кружку, то во всяком случае живую связь между ним, этим обществом и самим изданием был его приятель, князь Козловский. К началу царствования Екатерины относятся и зачатки нового сатирического направления, только сперва оно носит характер более общий. Таковы послания Фонвизина.

В кругу приятелей Фонвизина князь Ф. А. Козловский, талантливый юноша, которого многие любили за просвещенный ум и благородство характера, играл особую роль, так что

даже повлиял на начало литературной деятельности нашего героя. Это был настоящий тип молодого вольтерьянца того времени. Основательное знакомство с французским языком и литературой, светлый ум и энтузиазм молодости сделали его страстным поклонником великих идей французской философии, в особенности Вольтера. Влияние его на Фонвизина могло быть весьма благотворно, так как из-за беспечности характера живой ум не спасал нашего автора от некоторой самобытной распушенности, халатности мысли и недостатка серьезного образования и убеждений.

Имея, с одной стороны, этого друга, с другой, – Елагина, своего начальника, у которого в доме он был принят как родной, тоже философа, весьма образованного человека и «главного мастера» российских масонских лож, – Фонвизин имел все для того, чтобы усвоить себе плоды европейской мысли. Это был решительный момент в жизни Фонвизина. С его цельной натурой и острым умом он должен был стать или прямым сторонником идей, которые так любила, хотя и довольно платонически, Екатерина, или врагом новейшей философии с ее патриархом Вольтером во главе. Впрочем, основательно он с этими идеями никогда не знакомился, и можно к нему отнести то же, имея в виду Вольтера, что он говорит в послании к Ямщикову:

Он не читав Руссо, с ним тотчас согласился,
Что чрез науки свет лишь только развратился.

Именно так относился Фонвизин к энциклопедистам. Руссо он ставил выше всех других за его идеи воспитания.

Фонвизин рассказывает в своем «Признании», что, посещая с Козловским общество, где «шутили над святыней и обращали в смех то, что должно быть почтенно», он поддался этому влиянию и написал тогда «Послание к Шумилову», за которое прослыл безбожником. «Но Господи! – говорил он, – Тебе известно сердце мое; Ты знаешь, что сие сочинение было действие не безверия, но *безрассудной* остроты моей».

Взглянув на это «Послание», мы не найдем в нем ни безбожия, ни «безрассудства». Смещение философии с «безбожием», несмотря на то что сам Вольтер был деист и вовсе не отрицал божества, привело Фонвизина в конце концов к ханжеству.

В «Послании» автора занимает вопрос, который он предлагает слуге своему, Шумилову:

Скажи, Шумилов, мне: на что сей создан свет?

В ответ на этот вопрос он рисует картину пороков общества. Ни умный, ни дурак не знает причины, почему свет так глупо вертится. Почему везде торжествует глупость, обман и неправда.

И все мне кажется на свете суета.

Жизнь – игрушка, и надо только уметь ею забавляться. Зачем людям рай?

Жить весело и здесь, лишь ближними играй. Играй, хоть от игры и плакать ближний будет.

Не получив ни от кого ответа на вопрос о цели создания, автор заключает послание словами:

И сам не знаю я, на что сей создан свет!

Особенно раскаивался, вероятно, Фонвизин в том, что осмеял здесь духовенство. По крайней мере в «Признании» он говорит о «нескольких строках» в «Послании», «кои являют его заблуждение». Судя по ханжеству его в последние годы жизни, эти строки должны быть следующие:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.